

Щит равнинных индейцев как этнокультурный прототип для психодраматического действия

Любитов И.Е.

Стояли они лагерем, и кто-то сказал: «Долго придется нам ехать, чтобы одолеть врагов. Сильный нужен нам талисман; столь сильный, чтоб действовал вдали от лагеря». Все безмолвствовали, размышляя над этим; наконец, один мужчина промолвил: «У меня есть такой талисман. Ведь на своем щите я ношу целиком крыло орла». Никто не смог сказать лучше, и на другой же день они отправились в путь.

Момадэй Н.С.¹

Эта работа — очередной результат исследований применения этнокультурных методов психологической помощи в психодраме². На этот раз мы предлагаем различные вариации структурированной психодраматической техники, основанной на метафоре щита равнинных индейцев. Основное содержание работы — описание ключевых моментов проведения психодраматической группы.

Этнокультурный прототип

Как всегда, работа, связанная с этнокультурными методами начинается с введения опорных мифологических конструкций, с сообщения участникам этнокультурного прототипа. Таким образом мы имитируем этап «вхождения в культуру», когда любой представитель племени получает набор мифологических представлений и необходимое обоснование ритуалов³. С другой стороны, этнокультурный прототип сам по себе конструкция мифологическая. Он всегда, в некоторой степени, отражение явления чужой культуры в нашей собственной. Поэтому слова «Равнинные индейцы» могут быть заключены в кавычки.

¹ *Мамадэй Н.С.* Дух, остающийся жить. — М.: «Сфера», 1997.

² *Любитов И.Е., Егорова М.В.* Шаманские техники и психодрама // Журнал практического психолога, № 6, 2003; *Любитов И.Е.* Психодрама и шаманские техники: поиск видений // «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития», тезисы всероссийской конференции, 2007.

³ *Любитов И.Е.* Психодрама и шаманские техники: поиск видений // «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития», тезисы всероссийской конференции, 2007.

Мы рассказываем примерно следующее: У шайенов, щит был одним из самых священных мужских предметов. «В основном только воины выдающейся храбрости, зрелых лет и наделенные покровительством могли иметь свой собственный щит. Щиты делались из сохшихся шкур, взятых с шеи или груди бизона. Такой щит был достаточно прочен для того, чтобы отбивать вражеские стрелы или даже остановить пулю из старой гладкоствольной винтовки. Однако, истинная сила щита была сверхъестественной¹.

В прериях бытовало 4 типа щитов: танцевальные (облегченный вариант боевых), священные щиты шаманов, миниатюрные (уменьшенная копия боевого), которые брали иногда в дорогу вместо оригинала и собственно боевые щиты².

На круг из сохшейся шкуры бизона натягивалась более мягкая кожа. Между основанием и обтягивающей кожей могли находиться предметы, обеспечивающие поддержку духов, являющиеся их вместилищем или средством привлечения. Иногда щит снабжался чехлом.

Любая из составляющих щита могла быть украшена символическими изображениями, свидетельствующими о поддержке духов помощников, предков или Священных сил.

Рисунки эти происходили из видений и вещей снов владельца, в них устанавливалась его личная связь с источником силы, постороннему эти композиции могли казаться загадочными.

Изготовление щита было одной из самых священных задач и только святой человек у шайенов или сновидец, который получил помощь от существ Вакан (у лакота), мог сделать щит, обладающий настоящей сверхъестественной силой. В обоих случаях указание сделать щит, так же, как и святой узор на щите, исходило от одной или нескольких Священных Сил³.

У лакота существовали щиты которые по преданию, получили свою силу от самого Человека-Паука, которые могли отвести в сторону ружья врагов, даже несмотря на то, что их лицевая часть представляла лишь сетку, напоминавшую паутину.

Только четыре (священное число) щита мог сделать какой-либо святой человек или сновидец⁴.

¹ *Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX веков. — М.: «Наука», 1970; *Пауэлл П. Дж.* Красота для новой жизни. Введение в священное искусство шайенов и лакота // Первые американцы. Индейцы Америки: прошлое и настоящее, № 4, 1999.

² *Mails E. T.* The Mystic Warriors of the Plains. N.Y., 1972.

³ *Mc Coy R.* Miniature shields // American Indian Art Magazineю — Summer 1995; *Пауэлл П. Дж.* Красота для новой жизни. Введение в священное искусство шайенов и лакота // Первые американцы. Индейцы Америки: прошлое и настоящее, № 4, 1999.

⁴ *Пауэлл П. Дж.* Красота для новой жизни. Введение в священное искусство шайенов и лакота // Первые американцы. Индейцы Америки: прошлое и настоящее, № 4, 1999.

Истории и видения, связанные со щитами, служили источником силы и рассказывались в особые моменты для «активизации» щитов (у кайова для этого служил также и танец). Они, как и изображение на щите, служили связи с источником силы щита. Истории (у кайова, например) могли начинаться с особого зачина «Стояли они лагерем...», и зачастую не описывали, а лишь указывали на те или иные события, а потому для всех, кроме рассказчика, могли казаться туманными¹.

Собственно история о возникновении первых щитов, сама является историей силы. В ней повествуется о женщине спасавшейся от медведя. Она нашла убежище в туше бизонихи, которая рассказала ей, как нужно делать щиты. Женщина вернулась в лагерь и научила своего мужа, каким образом изготовить семь первых щитов, которые сама и раскрасила².

Щиты передавались по наследству, могли быть завоеваны в битве или потеряны. Щиты были достоянием племени, а не только их владельца. Как и всякий священный предмет, щит связан с различными правилами и табу, например, в некоторых случаях щит нельзя класть на землю и необходимо ставить его на специальную треногу, к нему запрещено прикасаться посторонним и т.п.

Индийский писатель Н.Мамадей считает, что щиты шаманов и воинов индейцев племени кайова «наподобие гербов, но более личного характера. Они индивидуальны и полны магии. Они заявляют о себе. Щит говорит от имени своего владельца, и тот обязан жить по заданному кредо. Это — чудесное символическое выражение личного идеала»³.

Щиты вообще

Таким образом — щит видится нам инструментом для компактного представления важного личного опыта — ресурсного, сакрального, может быть даже травматичного, но уже прошедшего переработку посредством эстетизации или присоединения к большей истории. У щита есть мистическое, ритуальное, предметное, эстетическое, социальное и другие измерения. Щит имеет историю и, как запечатление личного опыта, является достоянием всего сообщества.

Магические истории

Основой щита мы полагаем некоторый особенный опыт («только четыре щита мог сделать воин или сновидец за свою жизнь»). А потому, после представления этнокультурного прототипа, в качестве разогрева мы

¹ Мамадей Н.С. Дух, остающийся жить. — М.: «Сфера», 1997.

² Mc Coy R. Miniature shields // American Indian Art Magazine - Summer 1995.

³ Мамадей Н.С. В присутствии Солнца: собрание щитов. — М.: «Сфера», 1997.

предлагаем рассказывать магические истории, истории силы с зачином «стояли они лагерем», чтобы потом рисовать щиты с теми же самыми историями или иными, если они пришли в голову в процессе слушания. Это первая проба и мы пока еще не настаиваем на архаичном звучании рассказов, но даже в этом кругу участники могут уже ощутить, что происходит нечто особенное. Когда все истории рассказаны, уместно поблагодарить друг друга за то, что поделились чем-то важным. Эта процедура отсылает нас к ритуалу «пробуждения» щитов перед битвой или иным серьезным деянием¹.

Изготовление щита

Рисование щита может занимать сравнительно много времени — 30 минут представляются абсолютным необходимым минимумом. Участников группы в процессе рисования мы просим «оставаться со своим щитом, а не друг с другом», избегать общения. Если кто-то закончил рисунок раньше остальных, мы побуждаем его оставаться в контакте со щитом и продолжать его совершенствовать, пусть даже подкрашивая уже готовые линии. Мы используем плотную бумагу формата не меньше А3, восковые мелки, пастель, краски. Рисование предполагает определенную телесную включенность, поэтому чем «неудобнее» будет материал, тем больше доступ к телесно запечатленным содержаниям опыта, тем эффективнее разогрев.

Традиционно, щит рисуется минимум четырьмя цветами.

На пролонгированных семинарах участники изготавливают щит в более сложном виде, близком к аутентичному — натягивают ткань на рамку, собирают материалы для украшения и т.д.

Зерно духа

Мы просим участников намеренно внести в щит небольшой дефект. При этом мы опираемся на следующий этнокультурный прототип: «В каждом изделии должна быть умышленно допущена одна ошибка, которая называется Зерном Духа. Это необходимо делать потому, что мы — всего-навсего люди, и не можем достигнуть совершенства. Если мы, делая что-либо, покусимся на совершенство, это изделие может принести неудачу. Всегда помните о Зерне Духа»².

¹ *Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX веков. — М.: «Наука», 1970; *Пауэлл П.Дж.* Красота для новой жизни. Введение в священное искусство шайенов и лакота // Первые американцы. Индейцы Америки: прошлое и настоящее, № 4, 1999; *Mc Coy R.* Miniature shields // *American Indian Art Magazine* — Summer 1995.

² *Эйкман З.С.* Искусство бисерных работ американских индейцев. В переводе Хусаиновой Д.Ф. ([http://letitbit.net/download/6fc9558283 ... -.doc.html](http://letitbit.net/download/6fc9558283...-.doc.html).)

Кроме того, мы полагаем, что заданное условие «необходимого несовершенства» не дает развернуться парализующему перфекционизму, нейтрализует возражения типа «я не умею рисовать» и прочие артефакты последствий школьно-детсадовского ИЗО. Кроме того, снизить тревогу за качество можно, предложив рисовать не ведущей рукой.

Называть щит

После завершения рисования участники вновь собираются в круг и рассказывают истории, помещенные на щиты. Стояли они лагерем — мы стимулируем участников не заботиться о «художественной ценности». Тех, кто склонен чересчур много говорить, можно ограничить «5 фразами», сославшись на форму этнокультурного прототипа. Мы предлагаем излагать историю так, как если бы она была уже рассказана не одну сотню раз, и в результате в ней осталось только самое-самое главное, без чего она просто невозможна. Нет необходимости заботиться о «понятности» истории для слушателя. Пусть она звучит как присказка, коан, загадка или короткое стихотворение в прозе.

И, наконец, щиту дается имя. Например: «Щит Клевера», «Щит одного путешествия», «Щит солнца».

Выбор протагониста

Обычно на этом этапе уже выделяются участники, которые хотят исследовать свой щит, понять, испытать, найти ему место в жизни и так далее...

Директор выбирает протагониста либо социометрически, либо по степени разогретости.

В процессе фокусировки запроса (или в начале действия) протагонист обязательно еще раз рассказывает историю. Таким образом, имитируется многократное повторение историй, предполагаемое в этнокультурном прототипе.

Действие

Большинству запросов протагонистов могут быть поставлены в соответствие сцены, основанные на том или ином аспекте метафоры. Мы выделяем следующие составляющие полной мифологической картины, с которыми, так или иначе, взаимодействует протагонист:

1. То, что на щите. Орнамент, буквальное изображение.
2. История, запечатленная на щите. Центр сюжета. Это нечто ценное, что становится основой ресурсного состояния. История многократно повторяется, при этом происходит переход от буквального, избыточного подробностями рассказа к мифологическому, к форме, в которой остается только самое главное.

3. Граница щита. Это возможное начало сюжета про то, что некоторая история «там и тогда» завершена и теперь существует только как опыт. Иногда на тему границ указывает интерес протагониста к форме или очертаниям щита.

4. Подложка щита. То, что запечатлено на внутренней стороне щита. Скрытые или забытые смыслы и детали.

5. Духи, обеспечивающие силу щита. Пример «щиты — паутинки». Бизон, который рассказывает, как изготавливать щит.

6. Обратная сторона щита.

7. Обретение щита. Его история. Изготовление. Украшение. Наследование. Захват у врага.

8. Те, кто слушает историю — соплеменники. Возможен переход в сцену, в которой рассматривается ситуация рассказа. История на щите, это нечто ценное не только для хозяина щита, но и для всего племени тоже.

9. Племя, для которого щит и история важны. Социум протагониста.

10. Те, кто слушает историю — духи, в том числе и предки. Контекст семейной истории.

11. Управление щитом. Границы возможностей щита. Место в жизни.

12. Ритуалы, предосторожности и табу, связанные со щитом. Правила семейные и иных социальных групп.

13. Антагонисты, которые сталкиваются с владельцем щита в «боевых условиях». Это могут быть как люди, так и духи — не имеет значения

14. Дальнейшая история щита.

В зависимости от фокуса интереса протагониста, строится сцена акцентирующая тот или иной аспект мифа.

Имея дело со щитом, директору полезно иметь в виду некоторые вопросы, которые он задает если не протагонисту, то уж, по крайней мере, самому себе. Что изображено на щите? Что помещено внутри? Что с одной стороны, что с другой стороны? Что вокруг? Для кого этот щит? Кто на это смотрит? От кого он защищает? Какие люди или духи принимают участие в истории? Как, когда и от кого получен щит? Как им владеют, каковы ритуалы и предосторожности? Как применяется щит? Кому, когда и как он передается?

Мизансцены

Щит представлен в виде отдельной, особо очерченной в пространстве, части сцены, на которой происходит разыгрывание истории, рассказанной протагонистом — «так, как она изображена на щите». Директор побуждает вспомогательных Я к тому, чтобы действие было максимально «архаично», «примитивно». Протагонист находится за пределами этой

сцены и может взаимодействовать с отдельными элементами через границу щита. Предельный случай — на роль щита выбирается один человек, который в виде монолога, заданного протагонистом рассказывает магическую историю, запечатленную на щите.

Слушатели — духи и соплеменники могут образовывать два хора, каждый из которых действует произвольно, комментируя события. Протагонист находит себе место рядом с любым из элементов щита, выбирая для взаимодействия наиболее важные фигуры. Возможно введение третьего хора или отдельных фигур, представляющих антагонистов.

Буквальное воспроизведение магической истории, рассказанной протагонистом — с заданием ролей, обменом ролями (мы используем прямой обмен ролями), последующим выходом в зеркало — «посмотреть со стороны». За этим может следовать пересказ истории по-новому, когда остаются только самые значимые элементы. Следует избегать воспроизведения ситуаций травмы и насилия, чтобы не ретравматизировать протагониста.

Сюжет обретения щита обеспечивает целый ряд мизансцен — от полного процесса изготовления, с героически-сказочным поиском компонентов, до частичного, когда необходимо к готовому щиту добавить то, чего не хватает, скорее напоминающего тонкую настройку.

Особенности технологии изготовления предполагают наличие у щита внешнего и внутреннего слоя, а также внутреннего устройства. Раз есть отдельные элементы конструкции, мы можем играть сначала общий сюжет, а потом выделить «наиболее важный элемент», амплифицируя взаимодействие обменом ролями, монологом и т.д.

Внешняя и внутренняя стороны щита, позволяют задать вопрос, что именно видно протагонисту, когда он предьявляет щит окружающим? Как не перепутать с картиной мира, картинку на оборотной стороне щита.

К этой же группе примыкают сцены дарения или наследования со всеми сопровождающими условиями и напутствиями. Нередко на щите «проступает» история предков и мы переходим в область трансгенерационных сюжетов. В случае же драматизации завоевания щита, важно не забыть отдать должное поверженному противнику: щит хорош только в том случае, если мы уважаем историю, на нем запечатленную. И, как продолжение линии передачи щитов из поколения в поколение, можно представить сцену, в которой присутствуют потомки, которым можно передать щит или те, кто его завоевал. Или щит в музее через много лет.

В сценах, посвященных контролю, управлению или месту в жизни, протагонист получает возможность обращаться со щитом так, как ему захочется. В частности, поворачивать его той или иной стороной, произвольно выбирать, какая из них будет «звучать сильнее» в данный момент. Произвольное управление может уравновесить табу и особые ритуалы.

Проверкой реальности становятся сцены, в которых владелец щита сталкивается с антагонистами в «боевых условиях» и так далее.

Структура действия

Любая структурированная техника позволяет оставаться на метафорическом уровне на всех этапах психодраматического действия — от построения сцены и выделения первых ключевых моментов до ее перестройки, проверки и шеринга¹.

Тем не менее, при необходимости, мы можем перейти к полной драме, используя структурированную технику лишь в начальных сценах, обратившись затем к иному материалу, например, из детского опыта протагониста.

Мы полагаем, что в и этом случае, для красоты и завершенности действия будет ценно выстроить финальные сцены также в метафорическом ключе, возвратившись к языку образов этнокультурного прототипа.

Завершение

Протагонист может завершить свою работу рассказом истории — той, что была изначально, (с большими или меньшими изменениями) или же сочиненной вновь. Иногда такой рассказ оформляется в виде особой сцены, подводящей итоги действия.

Шеринг может происходить обычным образом (что со мной происходило в роли или как эта история связана с моей жизнью») или же сопровождаться рассказом магических историй, навеянных драмой.

В качестве особой формы завершения, мы просим всех участвовавших в действии, еще в ролях, рассказать от лица своего персонажа историю с зачином «стояли они лагерем...», обращаясь к протагонисту. Разумеется, здесь особенно важно модерирование директора, защищающего протагониста от оценок и «моралите».

В некоторых случаях мы уделяем дополнительное внимание арт-терапевтической работе в которой участники дополняют свои щиты или рисуют новые.

Возвращение

В завершении, помимо снятия ролей с участников действия, мы предлагаем снять роль и со щита, оставив его только как арт-объект, не нагруженный сакральными смыслами и не отягощенный табу. На языке исследуемой метафоры это означает «поблагодарить и отпустить духов, напол-

¹ Шутценбергер А.А. Психодрама. — М.: «Психотерапия», 2007.

нявших щит силой». Обозначенные ресурсы мы предлагаем присвоить, «поместив их в тело» или посредством иных психодраматических техник.

В заключительной части стоит психодраматического процесса, на наш взгляд уделить некоторое внимание обсуждению того, каким образом полученный опыт может быть интегрирован в повседневную жизнь. Такое завершение также отражает путь от прожитого события к рассказанной истории, предложенный в этнокультурном прототипе.

Заключение

Итак, щит рассматривается нами как средство для компактного представления важного жизненного опыта, который может быть как бытовым, так и сакральным, как позитивным, так и травмирующим.

Существенно, что при создании щита, практически любой опыт (даже пережитой травмы) проходит переработку и может быть интегрирован в качестве ресурса.

Согласно метафоре, щит воина вписан в жизнь как владельца, так всего сообщества. Таким образом, переработанный опыт соотносится как с личными, так и групповыми ценностями и может способствовать как обретению психологического комфорта, так и улучшению социального функционирования.

Богатство этнокультурного прототипа позволяет разворачивать психодраматическое действие в зависимости от особенностей и потребностей протагониста.